Воспоминанія гостя Библіотеки.

Публичную Библіотеку я зналъ въ три разные періода ея существованія,—три періода, до того непохожіе одинъ на другой, что по всей справедливости ихъ можно назвать ея древней, средней и новой исторіей.

Первое мое знакомство съ Библіотекой началось почти цѣлую четверть столѣтія тому назадъ,—въ 1845 году. Я въ то время очень любилъ гравюры, и уже года два сряду часто бывалъ въ Эрмитажѣ, гдѣ, въ кабинетѣ Уткина, тогдашняго хранителя эстамповъ, просматривалъ эрмитажную коллекцію. Съ Уткинымъ я былъ хорошо знакомъ; это былъ добрѣйшій и услужливѣйшій старичокъ, хлопотавшій изо всѣхъ силъ, чтобы быть мнѣ пріятнымъ и полезнымъ. Къ несчастью, въ послѣднемъ отношеніи онъ мало могъ для меня сдѣлать: будучи превос-

ходнымъ граверомъ и превосходно зная технику своего дѣла, онъ все-таки очень мало зналъ исторію своего искусства, какъ всѣ тогдашніе товарищи его по Академіи, и часто ничего не могъ отвѣчать на расспросы мои. Но, какъ бы ни было, я просмотрѣлъ все эрмитажное собраніе гравюръ: оно было очень многочисленно, но все-таки тамъ недоставало многаго для меня интереснаго, о чемъ я прежде случайно узналъ изъ книгъ. Много разъ слыша мое сожалѣніе объ этихъ недочетахъ Эрмитажа, Уткинъ однажды вдругъ напалъ на блестящую мысль, чѣмъ помочь мнѣ. «Знаете ли что», сказалъ онъ мнѣ разъ въ мартѣ или апрѣлѣ 1845 года, «вы бы сходили въ Публичную Библіотеку. Тамъ, кажется, тоже есть коллекція эстамповъ. Вѣрно вы тамъ найдете все, что вамъ нужно; да еще въ добавокъ вамъ дадутъ всѣ книги для справокъ и каталоги, которыхъ у насъ нѣтъ».

Едва-ли не въ первый разъ я услышалъ въ тотъ день о Петербургской Публичной Библіотекѣ. Въ тѣ времена никто ея не зналъ, о ней нигдѣ не бывало никакихъ разговоровъ, и все мое понятіе о ней заключалось только въ томъ, что стоитъ большой домъ на углу Садовой и Невскаго, и тамъ внутри есть много старинныхъ какихъ-то книгъ, которыя на врядъ-ли кто когда-нибудь видитъ. Дома я узналъ отъ своего отца, что въ Библіотеку мнѣ будетъ легко попасть, тамъ служитъ одинъ знакомый человѣкъ, нѣкто Вас. Иван. Собольщиковъ, да онъ же, кажется, завѣдываетъ отдѣленіемъ художествъ. Вотъ я и отправился въ Библіотеку.

Первое впечатлѣніе Библіотеки было самое непривлекательное, тѣмъ болѣе, что въ первый же разъ, когда я туда явился, мнѣ привелось пройти ее чуть не всю, вдоль и поперетъ. Солдатъ, къ которому я обратился при входѣ, не зналъ (какъ и всѣ его товарищи по сторожкѣ), гдѣ навѣрное отыскать В. И., и меня провели сначала по нѣсколькимъ заламъ внизу, потомъ по бель-этажу, и наконецъ свели въ верхній этажъ. Я видѣлъ по дорогѣ какіе-то огромные, скучные и невзрачные, сараи, наполненные книгами сѣраго и несноснаго вида, и ужасно мертвые и пустынные. Изрѣдка кое-гдѣ торчалъ библіотекарь, но онъ казался на первый взглядъ пустынникомъ, мрачнымъ и молчаливымъ, и внушалъ такую же тоску и холодъ, какъ и окружавшія его книги. Изъ этихъ книгъ цѣлыя груды лежали на полу, и, что еще болѣе удивило меня, около топившихся печекъ. Солдаты, занимавшіеся топкой, преспокойно расталкивали ихъ ногами на-право и на-лѣво, иныя швыряли подальше, куда вздумается, и потомъ принимались за свое истопничество. Читальная зала была мрачна и пустынна не менѣе другихъ залъ: лишь кое-гдѣ лѣпились около столовъ одинокіе читатели, похожіе на бѣдныхъ сиротъ, а двое огромныхъ вертящихся сверху внизъ налоевъ, въ видѣ качелей, стояли по угламъ во всемъ своемъ безобразіи, и наводили какой-то страхъ и ужасъ неизвѣстнымъ своимъ назначеніемъ: никому бы сразу не пришло въ голову, что эти качели выдуманы для того, чтобы на нихъ раскладывать и разсматривать рукописи, и всякій скорѣе принялъ бы ихъ за какія-то средневѣковыя машины для истязанія и пытки людей на допросахъ, въ подземныхъ застѣнкахъ. Потомъ мы поднялись, съ моимъ инвалидомъ, въ бель-этажъ: тутъ царствовала та же скука и мертвечина. Особенно много прибавляли къ тоскѣ впечатлѣній гипсовыя статуи музъ. Эти мертвыя окаменѣлыя куклы поставлены были въ Библіотекѣ директоромъ Оленинымъ, считавшимся великимъ классикомъ и знатокомъ. Какъ же ему было не поставить слѣпковъ со старинныхъ статуй, признанныхъ интересными и превосходными, по цѣлой Библіотекѣ, гдѣ онъ былъ директоромъ? Между колоннами стояли какія-то рѣшетки, запертыя на ключъ и дѣлавшія этотъ бель-этажъ очень похожимъ на конюшни или хлѣва. Побродивши довольно долго по всѣмъ этимъ ужаснымъ захолустьямъ, мы, наконецъ, отыскали В. И. въ самомъ верхнемъ этажѣ, на хорахъ, теперь уже не существующихъ. и занятыхъ тогда богословскимъ отдѣленіемъ. В. И. Собольщиковъ именно занимался тогда приведеніемъ въ порядокъ библіотечной коллекціи эстамповъ, но внизу ему негдѣ было раскладывать на свободѣ всѣ большіе и маленькіе листики гравюръ, вотъ онъ и забрался наверхъ, и тамъ на широкихъ перилахъ хоръ лежали разбросанными кучами всѣ эстампныя богатства Библіотеки. В. И. встрѣтилъ меня съ тѣмъ радушіемъ и доброжелательствомъ, которыя постоянно испытывали съ его стороны всѣ гости Библіотеки, и на которыя я никогда и впослѣдствіи не могъ довольно надивиться. Мы тутъ же познакомились очень близко, и съ перваго посѣщенія моего, онъ далъ мнѣ въ руки эстампы Библіотеки, а равно и всѣ книги и каталоги, которые могли мнѣ быть нужны. Но послѣ великолѣпныхъ, красивыхъ сафьянныхъ съ золотомъ томовъ *in-folio*, гдѣ заключаются всѣ важнѣйшіе и драгоцѣннѣйшіе эстампы Эрмитажа, я былъ очень пораженъ тѣмъ несчастнымъ видомъ, который имѣла коллекція гравюръ Публичной Библіотеки. Эстампы были наклеены на большіе сѣрые листы бумаги, мрачные и холодные, какъ вся тогдашняя Библіотека, и, разумѣется, очень много отъ того теряли. «Что дѣлать,—отвѣчалъ на мои сожалѣнія и замѣчанія В. И. Собольщиковъ,—слава Богу, что мнѣ удалось выпросить, съ величайшимъ трудомъ, даже и эту бумагу. Нашъ директоръ не любитель изящныхъ искусствъ, и ему нѣтъ никакого дѣла до гравюръ».

Я сталъ ходить въ Библіотеку, просматривать собраніе гравюръ, и во время этихъ посѣщеній, довольно частыхъ въ первое время, я скоро замѣтилъ, что директору Библіотеки до многаго «нѣтъ никакого дѣла»,—не до однѣхъ гравюръ. Библіотека была въ то время какъ будто на военной ногѣ. Дисциплина и соблюденіе внѣшняго порядка свирѣпствовали въ ней съ полною силой, и замѣняли все, что можно было требовать отъ Публичной Библіотеки. Самъ начальникъ ея, Бутурлинъ, имѣлъ видъ и всѣ качества отставнаго армейскаго полковаго командира. Отрывистая, военная рѣчь, рѣзкій голосъ, начальническій, quasi-орлиный (и тогда модный) взглядъ, вѣчно до горла застегнутый по военному сюртукъ—

все вмѣстѣ дѣлало изъ него типъ весьма непріятнаго и шершаваго деспота стариннаго покроя. Онъ мало заботился о Библіотекѣ, ея составѣ, пріобрѣтеніяхъ, и, кажется, еще менѣе о читателяхъ. Библіотека представлялась ему, повидимому, въ родѣ цейхъ-гауза, или амбара, отданнаго ему на руки, гдѣ каждый мундиръ или каждый куль муки должны стоять на бумагѣ за нумеромъ и больше ничего. Этого составленія списковъ тогдашній директоръ требовалъ съ большою настойчивостью и энергіею, положилъ себѣ добиться его какъ можно скорѣе, очень мало заботясь о томъ, что̀ и ка̀къ пишутъ поминутно подгоняемые имъ, какъ стадо, его подчиненные. Я былъ свидѣтелемъ странной канцелярской скачки съ препятствіями, которой принужденъ былъ предаваться весь тогдашній личный составъ Библіотеки: господа библіотекари неслись во всѣ лопатки черезъ груды кое-какъ написанныхъ, часто перевираемыхъ и путаемыхъ книжныхъ заглавій, и ни о чемъ другомъ не помышляли, какъ только о томъ, чтобы отличиться передъ суровымъ и не дававшимъ спуску начальникомъ своимъ. Надо же было какъ нибудь дѣлать, что̀ онъ велѣлъ.

Эстампная коллекція Библіотеки не оказалась особенно важною: она вся составилась случайно, по нечаянности, безъ всякой полноты и системы, у разныхъ владѣльцевъ, отъ которыхъ въ разное время перешла въ Библіотеку. Это было что-то крайне отрывочное и неудовлетворительное (хотя тутъ и встрѣчались тамъ и сямъ нѣсколько интересныхъ или рѣдкихъ пьесъ); поэтому я скоро и разстался съ нею, а черезъ нѣсколько времени и вовсе пересталъ ходить въ Библіотеку.

Во второй разъ мнѣ случилось бывать въ Библіотекѣ въ 1850 и 1851 годахъ. Я иной разъ ходилъ навѣщать туда одного моего знакомаго, Ѳед. Никит. Попова, служившаго тамъ младшимъ библіотекаремъ. Это былъ молодой человѣкъ не глупый и довольно образованный, по спеціальности оріенталистъ, но къ библіотечному дѣлу у него было очень мало склонности. Служилъ онъ въ Библіотекѣ только потому, что такъ угодно было случаю и что, наконецъ, гдѣнибудь да надобно служить. У него болѣла грудь, ему было очень скучно, и даже вредно долго сидѣть наклонившись надъ столомъ, и потому онъ всегда былъ очень радъ, когда я его навѣщалъ, и, значитъ, отрывалъ его отъ писанья карточекъ. Еще болѣе бывалъ онъ радъ, когда я принимался писать за него заглавія книгъ на всевозможныхъ европейскихъ языкахъ—что̀ мнѣ было довольно интересно—и такимъ образомъ карточекъ моей работы поступило тогда въ общую библіотечную массу не мало.

Въ это время я Библіотекою не пользовался, но бывалъ тамъ часто, и потому видѣлъ все, что̀ тамъ дѣлается. Продолжали составлять каталоги, но въ Библіотекѣ все уже перемѣнилось. Не было болѣе Бутурлина, его замѣнилъ другой начальникъ, и съ тѣхъ поръ все пошло иначе. Это было еще первое время новаго управленія, но совершенная противоположность прежнему стала чувствительна уже и теперь.

Исчезло все военное, командирское; библіотекари ходили, смотрѣли и говорили совершенно иначе, но главное измѣненіе высказалось въ прибывавшемъ числѣ читателей. Для того, чтобы получить книгу въ чтеніе, надо было, все еще по прежнему, вписывать свое требованіе въ толстую переплетенную книгу, но книга эта, еслибъ могла говорить и еслибъ ее допросили, стала бы теперь горько жаловаться и сказала бы, что прошли ея золотые дни, когда она спокойно лежала на одномъ мѣстѣ и спала «на оба уха». Теперь ее начали сильно тревожить. Какъ ни посмотришь въ пріемную залу, гдѣ въ маленькомъ углу помѣщалась дежурная комната (тамъ, гдѣ впослѣдствіи былъ кабинетъ директора, а нынче хранятся еврейскія рукописи), какъ ни посмотришь туда, вѣчно у заборчика передъ дежурнымъ столомъ стоитъ цѣлая кучка людей, ожидающихъ очереди, чтобъ получить книгу эту и записать туда, что̀ имъ нужно. Скоро листы книги, прежде такіе чистые, исправные и пустые, завернулись по угламъ въ трубочки, страницы запестрѣли сотнями разнокалиберныхъ, разношерстныхъ почерковъ, а потомъ не стало хватать и мѣста для записыванья всѣхъ требованій—для Библіотеки началась новая пора.

Съ 1851-го по 1854-ой годъ я былъ за границей, и всѣ перестройки и передѣлки Библіотеки произошли безъ меня. Но и въ Италіи до меня доходили, въ письмахъ и журналахъ, слухи о томъ, какія шли въ Библіотекѣ преобразованія, ка̀къ много начинали о ней вездѣ говорить. Когда я воротился, и въ первый разъ побывалъ въ Библіотекѣ, мнѣ показалось, точно съ нея сползла старая, заплеснѣвшая шкурка, и она щеголяла въ яркомъ весеннемъ уборѣ. Пропалъ прежній старческій, нахмуренный видъ, вездѣ стало свѣтло, изящно и колоритно; тамъ и сямъ блестѣли зеркальныя стекла, элегантная рѣзьба изъ дерева; весело было пройти теперь по оживленнымъ заламъ, гдѣ въ разныхъ мѣстахъ были выставлены интересныя гравюры или библіографическія рѣдкости, а безконечные шкапы съ книгами, наполненные красивыми цвѣтистыми переплетами, потеряли прежній, несносный видъ, нагонявшій уныніе и тоску. Тогдашніе посѣтители Библіотеки, прохаживаясь, въ день, назначенный для осмотра, по заламъ ея, всего чаще говаривали: «Ахъ, какая стала теперь Библіотека! Ахъ какъ здѣсь хорошо! Вотъ гдѣ съ удовольствіемъ можно было бы заняться!» И дѣйствительно, публика стала валить въ Библіотеку толпами, точно въ Петербургѣ открыли какой-то новый, неслыханный и невиданный островъ съ неслыханными и невиданными чудесами. И это началось особенно съ тѣхъ поръ, какъ вдругъ вышло позволеніе оставаться тамъ до самаго вечера, и заниматься при огнѣ, и въ то же время стало извѣстно, что доступъ въ Библіотеку очень упрощенъ, а она сама стала пристально слѣдить за новыми произведеніями научной литературы, и тысячами покупаетъ всѣ новыя примѣчательнѣйшія книги.

Я видалъ людей, которые съ должною важностью и достаточно ученымъ видомъ увѣряли, что праздничное принаряженье Библіотеки, что завлеканье публики паркетами, коврами, залами, полными красивыхъ

переплетовъ, комфортомъ и изяществомъ, недостойно научнаго учрежденія, что все это лишняя трата денегъ и времени, и что Библіотека должна брать лишь внутреннимъ достоинствомъ, а не внѣшностью. Такія замѣчанія дѣлали только лишь нѣкоторые патентованные нѣмцы-педанты: они съ глубокой древности привыкли, чтобъ библіотеки непремѣнно имѣли видъ чего-то невзрачнаго, сухого, холоднаго и черстваго. Имъ бы хотѣлось, чтобы во вѣки вѣковъ все шло такъ, какъ прежде заведено и какъ они привыкли. Но наша Библіотека столько уже времени киснула въ классической невзрачности, не приносившей ни единаго зернышка пользы, что пора было попробовать и чего-нибудь другого.

И притомъ, что̀ грѣха таить: не то, что наша публика, да и публики постарше ея образованіемъ, иногда требуютъ, чтобъ ихъ почти насильно тащили къ научнымъ занятіямъ, чтобъ ихъ разными приманками пріохочивали къ чтенію, серьезной работѣ. Не разъ въ своихъ отчетахъ французскіе министры народнаго просвѣщенія признавались въ этомъ публично, въ 40-хъ и 50-хъ годахъ. Что-жъ дѣлать! Видно, такова надолго еще будетъ масса европейскаго общества. Баронъ Корфъ, кажется, первый у насъ это понялъ, первый попалъ въ самую жилку — за то честь ему и слава, за то, и результаты его дѣятельности были поразительны. Чѣмъ бы то ни было, но только онъ въ короткое время добился того, что про Библіотеку всѣ узнали, всѣ заговорили, и читатели хлынули въ нее толпой. Я самъ про себя долженъ сказать то же самое. Я обязанъ Библіотекѣ безконечно много, добрую часть своего образованія я вынесъ изъ нея, во множествѣ работъ она мнѣ помогла—всего этого не было бы, еслибъ она оставалась такою, какою я ее зналъ за нѣсколько лѣтъ прежде, напр., въ 1845 году. Мнѣ бы и въ голову не пришло, что тамъ надо искать того, что̀ можетъ мнѣ быть полезно. Толпы народа ходили много лѣтъ сряду по Невскому проспекту, всѣ, кажется, видѣли и домъ и надпись Библіотеки, и однакоже почти ни единая душа туда не заглядывала, покуда не нашелся человѣкъ, который понялъ, что̀ всѣмъ надобно, что̀ приходится всѣмъ по вкусу, чего не достаетъ нашей Библіотекѣ вопреки всѣмъ ея драгоцѣнностямъ и сокровищамъ, для того, чтобъ вдругъ сдѣлаться въ самомъ дѣлѣ публичной и общественной. Многимъ-ли и часто-ли удается до такой степени угадать и выполнить потребности и пользы своихъ современниковъ?

Въ 1855 году я началъ ходить въ эту обновленную, похорошѣвшую и разцвѣтшую Библіотеку, и проводилъ тамъ за рукописями и печатными книгами много пріятнаго времени. Мнѣ часто нужно было заниматься въ отдѣленіяхъ, просматривать на самыхъ «мѣстахъ жительства» цѣлые ряды книгъ, и, благодаря В. И. Собольщикову, все это сдѣлалось для меня легко и доступно. Черезъ него я перезнакомился со всѣми библіотекарями, и въ числѣ ихъ я нашелъ нѣсколько людей очень примѣчательныхъ, съ которыми было пріятно не только совѣтоваться по дѣламъ научнымъ, но даже вести самую оживленную бесѣду. Обязательностью ихъ и готовностью быть полезными я не могъ довольно нахвалиться. Всего болѣе я сблизился съ Беркгольцемъ, помощникомъ В. И. Собольщикова въ отдѣленіи *Rossica*. Это былъ молодой человѣкъ очень ученый, но огненнаго, страстнаго характера, во всѣхъ отношеніяхъ и умомъ и душой приходившійся по мнѣ. Я проводилъ много времени вмѣстѣ съ нимъ, и съ благодарностью долженъ сказать, что безконечно много обязанъ ему всѣмъ своимъ развитіемъ. Какая разница съ прежними библіотекарями-инвалидами, живыми, но окостенѣлыми муміями! Съ этими немного можно было насовѣтоваться и разговориться.

Занимаясь своими дѣлами, я проводилъ и въ читальной залѣ, и въ отдѣленіяхъ Библіотеки столько времени, что мало-по-малу пристрастился къ ней, и невольно сталъ принимать участіе во всей ея внутренней, закулисной жизни. Тутъ все было такъ хорошо, все мнѣ такъ нравилось, все было такъ полно энергіи, огня, стремленія впередъ, желанія возвысить значеніе Библіотеки для цѣлаго нашего общества, что я со всякимъ днемъ все болѣе и болѣе любилъ Библіотеку, и готовъ былъ проводить въ ней цѣлые дни. Мнѣ необыкновенно пріятно было постоянно быть свидѣтелемъ, до послѣднихъ мелочей, того неугомоннаго движенія, того водоворота, въ который втягивалъ баронъ Корфъ всѣхъ, кто служилъ въ то время въ Библіотекѣ; и когда, въ концѣ 1855 года, В. И. Собольщиковъ предложилъ мнѣ заняться систематическимъ каталогомъ *Rossica*, я съ истиннымъ восторгомъ ухватился за это предложеніе.

Самому В. И. Собольщикову некогда было хлопотать съ этимъ каталогомъ: у него на рукахъ было цѣлыхъ два отдѣленія, художественное и *Rossica*, да въ добавокъ къ тому, цѣлая бездна всякихъ хлопотъ и архитектурныхъ работъ по Библіотекѣ. Беркгольцу тоже было мало свободнаго времени; онъ былъ заваленъ учеными изслѣдованіями и справками о разныхъ книгахъ и изданіяхъ своего отдѣленія, которыхъ съ него требовалъ баронъ, любившій отдѣленіе *Rossica* въ самомъ дѣлѣ, какъ самое дорогое свое дѣтище и хлопотавшій о каждой черточкѣ въ немъ съ утра и до вечера. Вотъ В. И. Собольщиковъ и вздумалъ передать мнѣ эту работу. Она приходилась какъ нельзя больше по мнѣ: систематизированіе, распредѣленіе по отдѣламъ всегда было моею страстью во всемъ, а тутъ мнѣ представлялся случай распоряжаться съ нѣсколькими десятками тысячъ книгъ, касавшихся едва-ли не всѣхъ сферъ человѣческаго знанія, въ этомъ удивительномъ, въ этомъ безпримѣрномъ отдѣленіи *Rossica*! Вѣдь это была цѣлая отдѣльная, полная библіотека! Я принялся за работу съ большою ревностью. Дома, по вечерамъ, я возился съ грудами карточекъ, а бо̀льшую часть дня проводилъ въ Библіотекѣ, лазя съ лѣстницы на лѣстницу для того, чтобы собственными глазами узнать содержаніе той или другой книги, иногда темно обозначенное въ заглавіи, и, значитъ, затруднявшее меня: куда его отнести? Часто я не могъ удержаться отъ искушенія перелистывать, а иногда и прочитывать по частямъ ту или другую, неожиданно вдругъ узнан

ную книгу, и не разъ прочитывалъ по нѣсколько десятковъ страницъ наверху лѣстницы, не сходя съ мѣста. Мнѣ кажется, въ немногіе мѣсяцы я тутъ больше узналъ новаго, чѣмъ прежде во многіе годы. Сколько я опять тутъ былъ обязанъ Библіотекѣ!

Систематическій каталогъ начатъ былъ мною не съ самаго начала. Многое уже было тамъ сдѣлано раньше меня. Имъ началъ заниматься В. И. Собольщиковъ уже года за два до того, и, въ свободное свое время, онъ успѣлъ раздѣлить его на нѣсколько главныхъ отдѣловъ, сколько мнѣ помнится, около 100. Это первоначальное раздѣленіе служило мнѣ значительною подмогою, работа была, что̀ называется у скульпторовъ, *оболванена*. Но, осмотрѣвшись, я скоро убѣдился, что мнѣ не слѣдуетъ принимать за основаніе ни одну изъ системъ, какія мнѣ указывали въ библіографическихъ руководствахъ и указателяхъ. Матеріалъ, бывшій у меня подъ руками, былъ столько своеобразенъ и исключителенъ, что я счелъ за лучшее сообразоваться лишь съ нимъ самимъ, съ его требованіями, а не со старинными учеными схемами. Къ осени 1856 года я кончилъ свою работу: всѣхъ отдѣльныхъ подраздѣленій вышло у меня, кажется, около 1.000. Мою систему давали потомъ на разсмотрѣніе Академіи Наукъ, и кромѣ нѣкоторыхъ мелкихъ подробностей, впрочемъ, легко исправленныхъ, она была вполнѣ одобрена, и Академія отозвалась о ней съ похвалой [1]).

Въ теченіе того же 1856 года мнѣ случилось напечатать въ газетахъ и журналахъ нѣсколько статей, касавшихся любезной моей Библіотеки. Такъ, наприм., я напечаталъ сначала статью о греческой рукописи «Святогорца», гдѣ содержатся едва-ли не самыя полныя теоретическія извѣстія о греческомъ церковномъ пѣніи: по моему порученію, эту рукопись списали для меня въ Парижской публичной Библіотекѣ и я подарилъ эту копію нашей Библіотекѣ. Потомъ я напечаталъ критическо-историческое описаніе всѣхъ музыкальныхъ автографовъ библіотеки, наконецъ статью о великолѣпномъ французскомъ изданіи: *Imitaton de Jésus-Christ*, напечатанномъ за годъ передъ тѣмъ для Парижской всемірной выставки. Этой книги было выпущено въ свѣтъ всего только 100 съ чѣмъ-то экземпляровъ, да и изъ тѣхъ едва-ли 20 поступило въ продажу: остальные были раздарены самимъ императоромъ Наполеономъ, а такъ какъ мы въ то время были въ войнѣ съ Франціей, то на нашу долю не пришлось ни одного экземпляра. Уже въ 1856 году, во время заграничной поѣздки своей, баронъ Корфъ купилъ одинъ экземпляръ за огромныя деньги—сколько мнѣ помнится, тысячъ за пять франковъ. Это изданіе поразило меня необыкновенными художественными качествами, и, по совѣту В. И. Собольщикова, я напечаталъ о немъ статью въ газетахъ.

Въ то же время В. И. Собольщиковъ давалъ мнѣ долю въ работахъ художественнаго отдѣленія, куда меня давно уже тянуло: онъ давалъ мнѣ просматривать каталоги книгопродавцевъ по части книгъ объ искусствѣ и музыкѣ, и такъ какъ художественное отдѣленіе было мнѣ въ то время довольно хорошо извѣстно, то я имѣлъ удовольствіе дѣлать выборъ всего, что̀ мнѣ казалось полезнымъ и необходимымъ для его пополненія.

Я упомянулъ всѣ эти подробности для того, чтобъ показать, что если, съ одной стороны, Библіотека была мнѣ безконечно дорога и любезна, то, съ другой стороны, и я былъ въ ней человѣкъ не совершенно чужой, и мое имя иногда доходило до ушей барона.

Между тѣмъ, посреди всѣхъ своихъ большихъ и малыхъ работъ, я продолжалъ искать себѣ мѣста въ какомъ-нибудь министерствѣ, такъ какъ съ самаго отъѣзда своего за границу, въ 1851 году, я былъ въ отставкѣ, и, воротившись еще въ 1854 году въ Петербургъ, цѣлыхъ два года не могъ найти себѣ никакого мѣста. Я обращался къ разнымъ знакомымъ, приходившимся тому или другому министру близкими людьми или пріятелями [1]), получалъ множество самыхъ основательныхъ, добросердечныхъ и искреннихъ обѣщаній, и все-таки изъ этого ничего не выходило. Наконецъ я рѣшился просить барона, чтобъ онъ рекомендовалъ меня которому-либо изъ сильныхъ міра сего, такъ какъ онъ самъ принадлежалъ къ этой сферѣ, и постоянно вращался въ ней. Мнѣ еще никогда не случалось говорить съ барономъ; я лишь изрѣдка видалъ его въ залахъ Библіотеки, и всѣ мои отношенія къ нему ограничивались почтительными поклонами, которые я ему отвѣшивалъ при встрѣчѣ, и въ коротенькихъ, очень любезныхъ привѣтствіяхъ, которыя я иной разъ отъ него слышалъ при этомъ случаѣ: безъ нихъ онъ, кажется, не оставлялъ никого изъ тѣхъ, кого постоянно встрѣчалъ въ отдѣленіяхъ Библіотеки, и особливо за работой для нея. Поэтому я не рѣшился безпокоить его самъ, но однажды, въ концѣ ноября 1856 года, попросилъ В. И. Собольщикова передать ему мою просьбу. Къ величайшему удивленію, черезъ нѣсколько минутъ Василій Ивановичъ идетъ ко мнѣ назадъ, и говоритъ: «Ступайте скорѣй къ барону, онъ велѣлъ васъ позвать. Онъ ждетъ въ *Историческомъ отдѣленіи*». Какъ я обрадовался: значитъ баронъ не отказываетъ въ моей просьбѣ! Я не зналъ, чего надо было теперь ожидать, но мнѣ вдругъ показалось, что на этотъ разъ будетъ наконецъ успѣхъ, и я пошелъ къ барону черезъ залы такъ скоро, что подошелъ къ нему совершенно запыхавшись.

---

[1]) Одною изъ отличительныхъ особенностей настоящаго систематическаго каталога было то, что первою категоріею въ немъ являлось не «Богословіе», какъ это съ незапамятныхъ временъ ведется въ каталогахъ и системахъ стариннаго покроя, а «Исторія Россіи», занимающей самое первое мѣсто въ отдѣленіи иноязычныхъ писателей о Россіи. Мѣсто же «Богословія» занялъ отдѣлъ «Религіи» (Les religions), гдѣ собраны были всѣ книги, трактующія о разнообразныхъ и многочисленныхъ религіяхъ, исповѣдуемыхъ въ Россіи. *Ред.*

[1]) Въ числѣ ихъ былъ князь Дм. Ал. Оболенскій, также бывшій правовѣдъ, а въ 50-хъ годахъ уже очень вліятельный въ правительственныхъ сферахъ человѣкъ. *Ред.*

Какъ сейчасъ помню, баронъ стоялъ въ Историческомъ отдѣленіи у крайней витрины близь двери, ведущей въ отдѣленіе *Rossica*, въ любимой своей позѣ, опершись однимъ локтемъ на витрину, въ той самой позѣ, въ которой представленъ на лучшемъ своемъ портретѣ, фотографической карточкѣ, дѣланной въ *Американской фотографіи*. Я подошелъ къ нему не безъ смущенія: сейчасъ должно было рѣшаться очень важное для меня дѣло, и мнѣ приходилось въ первый разъ говорить съ человѣкомъ, не столько важнымъ для меня по положенію и званію своему, сколько по чудеснымъ дѣламъ и начинаніямъ, которыхъ уже третій годъ я былъ почти ежедневнымъ свидѣтелемъ.

Баронъ первый заговорилъ со мной. «Вы желаете, чтобъ я рекомендовалъ васъ тому или другому министру?» (онъ назвалъ двухъ изъ тогдашнихъ министровъ). Я отвѣчалъ утвердительно. «Зачѣмъ же вы не сами высказали мнѣ свое желаніе», продолжалъ баронъ. «Вѣдь мы не совсѣмъ чужіе, я васъ уже нѣсколько знаю съ прошлаго года». Я отвѣчалъ, что не рѣшился самъ его безпокоить, не зная, какъ ему покажется моя просьба. «Впрочемъ, все равно», сказалъ баронъ. «Я очень радъ быть вамъ полезенъ. Я могу васъ рекомендовать, могу сказать за васъ слово, но только не знаю, будемъ-ли мы имѣть успѣхъ. Нынче вездѣ такое множество кандидатовъ, вездѣ такъ стараются о сокращеніи штатовъ. Пожалуй—намъ и пообѣщаютъ, а потомъ, можетъ быть, изъ этого все-таки выйдетъ мало путнаго. А я думалъ бы предложить вамъ другое. Не согласитесь-ли вы служить собственно при мнѣ? Государь Императоръ возложилъ на меня, на этихъ дняхъ, особое порученіе, для исполненія котораго мнѣ нужны люди, владѣющіе перомъ и умѣющіе работать. Я васъ теперь довольно уже знаю, и мнѣ кажется, что вы для моихъ будущихъ занятій могли бы быть полезны. Угодно вамъ—подумайте». И баронъ разсказалъ мнѣ тутъ же, въ чемъ состояло то порученіе, и какого рода должны были быть мои занятія. «Но если мое предложеніе вамъ понравится, вы могли бы продолжать работать и для Библіотеки. Я могу только благодарить васъ за ваши занятія посреди насъ, и мнѣ было бы очень пріятно, чтобъ они не прерывались. Я увѣренъ, что они будутъ полезны для Библіотеки». Такъ говорилъ мнѣ баронъ, прибавивъ къ приведеннымъ мною словамъ нѣсколько самыхъ лестнымъ отзывовъ обо мнѣ самомъ.

Неужели я могъ задумываться? Мои желанія не только исполнялись, но еще превзойдены самымъ неожиданнымъ для меня образомъ. Я сталъ съ жаромъ благодарить барона, и спѣшилъ сказать, что мнѣ раздумывать нечего, что я принимаю предложеніе его — это нежданное, негаданное для меня счастье—съ глубочайшею признательностью, и что все это такъ хорошо, такъ для меня важно, что я только одного боюсь: пожалуй, и это дѣло разстроится, какъ столько другихъ прекрасныхъ обѣщаній, слышанныхъ мною въ послѣдніе $1^1/_2$ или 2 года. «На этотъ разъ вы можете не бояться», возразилъ улыбаясь баронъ. «Обѣщаю вамъ, что ничего не разстроится». И дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней, 6 декабря 1856 г. имя мое стояло уже въ приказѣ. Съ тѣхъ поръ прошло $10^1/_2$ лѣтъ, и никогда ничего для меня не разстроилось.

Со своей привычкой никогда ничего не откладывать, баронъ тотчасъ же засыпалъ меня матеріалами для новой моей работы, и я принялся за дѣло, но продолжалъ ходить въ Библіотеку почти ежедневно. Тутъ я занимался теперь постоянно въ художественномъ отдѣленіи. Баронъ смотрѣлъ на меня уже какъ на своего, и очень часто заходилъ ко мнѣ въ это художественное отдѣленіе, чтобы разспросить меня о ходѣ моей работы.

Въ то время насъ нѣсколько человѣкъ, любившихъ музыку, собиралось довольно часто вмѣстѣ, чтобъ исполнять въ 8 рукъ на фортепіано хорошую музыку. Наша *partie fixe* обыкновенно состояла изъ слѣдующихъ лицъ: Наталья Ивановна Собольщикова, мой братъ Дмитрій (теперь адвокатъ, а тогда оберъ-секретарь въ Сенатѣ), Вас. Павл. Энгельгардтъ, одинъ изъ нашихъ прежнихъ товарищей по Правовѣдѣнію, Алекс. Никол. Сѣровъ,—тоже товарищъ по Правовѣдѣнію и старинный мой пріятель, наконецъ я. Иногда (но рѣдко) къ намъ присоединялись музыканты Сантисъ и Вильбуà. Мы играли все, что тогда можно было найти въ музыкальныхъ магазинахъ 8-миручныхъ, переложеній хорошей музыки, особенно Бетховена. Но еще чаще мы играли переложенія сочиненій Глинки, музыку котораго мы всѣ любили до страсти. Глинка былъ еще живъ, слушалъ съ удовольствіемъ наше исполненіе, а иногда и самъ игралъ съ нами, особенно когда тѣ изъ насъ, кто былъ съ нимъ знакомъ, собирались у него въ домѣ. Переложенія въ 8 рукъ *Хоты*, *Камаринской* и разныхъ номеровъ изъ «Жизни за Царя» и «Руслана» были нарочно дѣланы для нашихъ собраній частью Энгельгардтомъ, частью Сѣровымъ, и Глинка самъ поправилъ многія изъ нихъ. Такъ какъ мы собирались то въ одномъ, то въ другомъ домѣ, для нашей игры довольно часто, то исполненіе шло у насъ очень ровно, очень согласно, и многіе знакомые нерѣдко просили его послушать. До барона тоже какъ-то дошли слухи о нашей 8-миручной игрѣ, и онъ, бывая иногда у Вас. Ив. Собольщикова съ баронессой, попросилъ однажды, чтобъ и ему со всѣмъ семействомъ послушать нашей музыки. Выбрали вечеръ, и мы собрались у Натальи Ивановны. Тамъ никого постороннихъ не было, кромѣ ея сестеръ и моихъ братьевъ. Баронъ пріѣхалъ со всѣмъ своимъ семействомъ (тогда довольно многочисленнымъ), и оказалось, что маленькія комнатки Натальи Ивановны совершенно полны. Мы, по всегдашнему, сдвинули вмѣстѣ два рояля, усѣлись давно устроившимися двумя парами (Нат. Ив. съ моимъ братомъ Дмитріемъ, я—съ Алекс. Ник. Сѣровымъ), и съ большимъ огнемъ и блескомъ исполнили нѣсколько вещей Глинки: особенно хорошо вышли *Полонезъ* и *Мазурка* изъ «Жизни за Царя», прекрасно аранжированные въ 8 рукъ Сѣровымъ. Баронъ и баронесса были въ большомъ восхищеніи и разсыпались въ похвалахъ хозяйкѣ дома и намъ всѣмъ.

Но въ этотъ самый вечеръ меня ожидало еще новое удовольствіе. Разговаривая со мной, сначала о музыкѣ, а потомъ о Библіотекѣ и новыхъ моихъ занятіяхъ, баронъ вдругъ сказалъ мнѣ: «А я хочу предложить вамъ, Влад. Вас., еще одну новую работу, которая, надѣюсь, будетъ вамъ не непріятна. Въ нынѣшнемъ году я читалъ нѣсколько вашихъ статей—мнѣ нравится ваше перо. Я хочу попросить васъ заняться составленіемъ отчетовъ Библіотеки. До сихъ поръ я писалъ ихъ самъ, но теперь у меня становится все меньше и меньше времени, вы хорошо знаете все, что̀ дѣлается въ Библіотекѣ, и мнѣ кажется, вы можете быть мнѣ въ этомъ очень полезнымъ помощникомъ. Но я васъ долженъ предварить объ одномъ: я привыкъ марать по-своему всякую бумагу, которая проходитъ черезъ мои руки, много поправлять и перечеркивать, я привыкъ къ редакторству еще съ тѣхъ поръ, когда былъ государственнымъ секретаремъ, и потому не взыщите, когда найдете въ своемъ текстѣ много измѣненій. Но я увѣренъ, что вы прекрасно будете подготовлять мнѣ матеріалы для этихъ отчетовъ, которые я подношу Его Величеству». Это новое предложеніе было необыкновенно пріятно для меня: я, въ нѣкоторомъ родѣ, становился исторіографомъ любезной мнѣ Библіотеки и всего, что̀ мнѣ такъ сильно нравилось въ тогдашней ея кипучей дѣятельности. Я благодарилъ барона, но тутъ же просилъ у него позволенія, представляя ему черновой отчетъ, указывать, въ совершенно конфиденціальныхъ отмѣткахъ, не назначенныхъ для печатнаго отчета, что̀, по моему мнѣнію, могло бы быть сдѣлано еще полезнаго въ той или другой отдѣльной части. Баронъ согласился съ удовольствіемъ. Онъ очень мало похожъ былъ на обыкновенныхъ русскихъ начальниковъ (особенно прежнихъ), считающихъ оскорбленіемъ для своей власти всякое указаніе, всякое разсужденіе подчиненнаго. Прямо на оборотъ этой несчастной, высокомѣрной рутинѣ, онъ желалъ, онъ требовалъ указаній отъ всѣхъ сослуживцевъ, на какой бы степени чиновной лѣстницы ни стояли они, и, конечно, это имѣло послѣдствіемъ много самыхъ прекрасныхъ результатовъ.

Тотъ годъ, за который мнѣ впервые случилось составлять библіотечный отчетъ, былъ одинъ изъ самыхъ блестящихъ годовъ существованія Библіотеки. О сколькихъ важныхъ работахъ и пріобрѣтеніяхъ пришлось тутъ говорить! Въ теченіе 1856 года устроена была *выставка библій* на всѣхъ языкахъ міра, и въ послѣдніе годы собраніе это, едва-ли не безпримѣрное въ цѣлой Европѣ (знаменитая коллекція библій графа Суссекса не являлась въ формѣ выставки) разрослась до такой степени, что для того, чтобъ расположить его, въ очень сжатомъ стѣсненномъ видѣ, понадобилась зала въ 15 саженъ. Это была первая наша *всемірная выставка*, притомъ первая въ своемъ родѣ, и, по желанію барона, цѣлая коммисія ученыхъ, составленная изъ лучшихъ лингвистовъ Академіи Наукъ и самой Библіотеки, занялась раздѣленіемъ на крупныя и мелкія группы печатныхъ представителей языковъ всѣхъ пяти частей свѣта: составили изъ нихъ цѣпь, которая уложилась однимъ непрерывнымъ кольцомъ. Въ другой, тоже 15-ти-саженной залѣ, возникла вдругъ выставка всѣхъ изданій церковно-славянской печати—явленіе тоже совершенно безпримѣрное и возможное лишь тамъ, гдѣ собрались такія безчисленныя сокровища древне-славянской и русской печати, какъ въ нашей Библіотекѣ. Такой *всеславянской* выставки, представившей заразъ образцы интеллектуальной дѣятельности всѣхъ западныхъ, южныхъ и восточныхъ славянъ—тщетно было бы искать во всей остальной Европѣ. Наконецъ, въ теченіе того же 1856 года устроена была въ одной изъ залъ Библіотеки выставка всѣхъ способовъ гравированія, т.-е. всѣхъ способовъ воспроизведенія и размноженія художественной мысли, выражающейся въ рисункѣ. Такой выставки, раньше нашей Библіотеки, не придумала, раньше насъ, ни одна страна въ Европѣ. Нѣсколько другихъ, менѣе важныхъ, но въ высшей степени интересныхъ выставокъ, нѣсколько цѣлыхъ библіотекъ, вошедшихъ въ составъ нашей Публичной Библіотеки, наконецъ тысячи отдѣльныхъ томовъ, подаренныхъ ей или купленныхъ ею въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, въ томъ числѣ множество изданій рѣдкихъ или драгоцѣнныхъ,—и въ заключеніе всего, все болѣе и болѣе ростущее число читателей въ Библіотекѣ,—вотъ о чемъ мнѣ надо было говорить для перваго моего дебюта. Немудрено, что мнѣ хотѣлось много сказать о каждомъ предметѣ и указать всю его важность. Но, въ своей всегдашней скромности, и притомъ стѣсненный предѣлами и требованіями оффиціальнаго отчета, баронъ вычеркнулъ много моихъ страницъ и удержалъ лишь то, что̀ было уже совершенно неизбѣжно, чего уже никакъ нельзя было пропустить.

Не вошли въ отчетъ и мои предложенія о томъ, что̀ можно было бы тотчасъ-же устроить новаго и полезнаго въ залахъ, но въ теченіе 1857 года нѣкоторыя изъ нихъ начали уже осуществляться. Въ числѣ ихъ особливо значительными можно почитать: выставку церковно-славянскихъ рукописей съ миніатюрами—нѣчто въ родѣ хронологическаго и систематическаго а̀тласа древне-русской живописи; выставку церковно-славянскихъ крюковыхъ (нотныхъ) рукописей въ хронологическомъ порядкѣ отъ XI и до XIX вѣка—это была тоже выставка, дотолѣ нигдѣ еще невиданная; потомъ выставка нотныхъ рукописей западной Европы, съ самаго IX вѣка, выставка матеріаловъ письменности (начиная отъ древесныхъ листьевъ, бересты и металла и до нынѣшней бумаги), выставка русской гравировальной школы (идущая отъ древнихъ лубочныхъ картинокъ XVII вѣка), и т. д. Кромѣ мною предложенныхъ, начали устраиваться въ Библіотекѣ и другія выставки, и въ отчетѣ за слѣдующій годъ баронъ могъ съ справедливою гордостью сказать, что «обозрѣвъ лично, въ 1856 году, почти всѣ значительнѣйшія публичныя библіотеки за границей, онъ можетъ положительно утверждать, что ни въ одной изъ нихъ не осуществилось въ такихъ размѣрахъ, какъ въ нашей Библіотекѣ, стремленіе сдѣлаться одною *большою открытою для всѣхъ по-*

сѣтителей справочною книгою, однимъ обширнымъ музеемъ» [1]).

Баронъ со всегдашнею своею добротою, обращалъ самое благосклонное вниманіе на мое стараніе принести такимъ образомъ и мою лепту на выполненіе этого высокаго, постояннаго стремленія, и написалъ на моемъ экземплярѣ отчета за 1857 годъ: «Любезному моему Влад. Вас., въ знакъ памяти и душевной моей благодарности за пламенное и разумное его содѣйствіе какъ къ составленію этого отчета, такъ и вообще по всѣмъ нашимъ занятіямъ,—содѣйствіе, на которое онъ всегда такъ охотно самъ вызывается, съ вполнѣ оцѣняемою мною ревностію».

Однажды, въ 1857 году, баронъ привелъ меня въ ту часть художественнаго отдѣленія, гдѣ теперь помѣщается выставка русской гравировальной школы. Шкапы вокругъ были наполовину пусты, наполовину заняты старыми книгами въ плохихъ старинныхъ переплетахъ. Ни того, ни другого баронъ не жаловалъ. «Ну что̀ бы вы придумали еще здѣсь, Влад. Вас.? Мнѣ бы хотѣлось закрыть пустые шкапы, и чѣмъ-нибудь хорошимъ и интереснымъ оживить эту залу. Не изобрѣтете-ли вы и здѣсь какой-нибудь курьезной выставки?» Я подумалъ одну секунду, и тотчасъ же отвѣчалъ, что, мнѣ кажется, хорошо было бы собрать всѣ гравированные портреты Петра Великаго и выставить ихъ здѣсь. «Вотъ это будетъ отлично», сказалъ баронъ. «Это прекрасная идея. Только гдѣ вы наберете портретовъ, и много-ли ихъ есть? Впрочемъ, я увѣренъ, что будетъ хорошо, и все удастся какъ нельзя лучше. Ну, съ Богомъ, принимайтесь за работу поскорѣе, теперь же».

Надо сказать, что мысль о собраніи портретовъ Петра I-го пришла мнѣ въ голову съ досады. Недѣли двѣ передъ тѣмъ я читалъ въ описаніи Луврской эстампной коллекціи, Дюшеня, что тамъ есть (впрочемъ, въ портфёляхъ) собраніе всѣхъ портретовъ Наполеона, числомъ до нѣсколько сотъ (кажется, 600 или 700), а въ примѣчаніи было упомянуто, что въ Лондонскую публичную библіотеку перешло, отъ одного фанатическаго поклонника Веллингтона, огромное собраніе всѣхъ портретовъ этого знаменитаго побѣдителя Наполеона, чуть-ли не 4 или 5 тысячъ. Мнѣ это было очень досадно. Ка̀къ, думалъ я про себя, собраны и хранятся, какъ драгоцѣнность какая-нибудь, портреты человѣка, бывшаго только кровавымъ деспотомъ, мясникомъ, водившимъ для одной потѣхи своей сотни тысячъ людей на бойню подъ видомъ какихъ-то патріотическихъ сраженій, и въ то же время сохраняются, тоже какъ драгоцѣнность, портреты счастливаго лорда-консерватора, для осмѣянія котораго Гейне мало было всей его желчи, всего его пронзительнаго смѣха! И это-то и есть великіе люди, которыхъ изображенія должны сохраняться для благодарнаго, благоговѣющаго потомства! Я невольно думалъ въ тѣ минуты о Петрѣ первомъ. Ка̀къ мнѣ хотѣлось собрать и оставить на будущее время портреты того человѣка, который не устраивалъ всю свою жизнь людской рѣзни, который не отстаивалъ въ парламентѣ все ретроградное и отсталое, но зато вынулъ изъ стоячаго болота и двинулъ впередъ нѣсколько милліоновъ людей. И вотъ вдругъ черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ я это подумалъ, мнѣ представился самъ собою случай привести мою мысль въ исполненіе. Я тотчасъ принялся за дѣло, въ нѣсколько мѣсяцевъ пересмотрѣлъ отдѣленіе эстамповъ, потомъ книжку за книжкой, а въ иныхъ случаяхъ и листикъ за листикомъ, все отдѣленіе *Rossica*, въ которомъ тогда было свыше 20.000 томовъ, потомъ ту часть русскаго отдѣленія, гдѣ можно было предполагать портреты Петра Великаго, и изъ этого составилось порядочное собраніе, которое я разобралъ въ систематическомъ порядкѣ, по типамъ, и потомъ, вмѣстѣ съ В. И. Собольщиковымъ, расположилъ за стеклами, по четыремъ сторонамъ назначенной мнѣ залы. Изъ книгъ мнѣ понадобилось вынуть очень немного портретовъ: къ этому я прибѣгалъ лишь въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, потому что жаль было лишать тотъ или другой, иногда рѣдкій, экземпляръ украшавшихъ его гравюръ. Но узнавъ, что такой-то портретъ находится въ такой-то книгѣ, я вносилъ его въ свой списокъ, а потомъ писалъ къ заграничнымъ корреспондентамъ Библіотеки, и всячески старался получить отъ нихъ, что̀ намъ было надобно. Притомъ большинство портретовъ Петра находилось не въ книгахъ, а на отдѣльныхъ листахъ. Наше собраніе едва-ли не всего болѣе обогатилось, кромѣ покупокъ въ Россіи и за границей, подарками князя Ал. Як. Лобанова-Ростовскаго и Г. Н. Геннади, у которыхъ давно уже накопилось значительное количество по большей части рѣдкихъ петровскихъ портретовъ. Впослѣдствіи, князь Лобановъ предложилъ напечатать на его счетъ мои изслѣдованія о портретахъ этихъ, но такъ какъ я не въ состояніи былъ совладать съ его татарски-деспотическимъ характеромъ барича стариннаго покроя, и не желалъ сносить его команды и понуканья, то прекратилъ съ нимъ отношенія и мои изслѣдованія остались въ рукописи.

Въ Библіотекѣ я всегда занимался въ художественномъ отдѣленіи; у меня былъ тамъ свой столъ, свое мѣсто, и здѣсь-то, закрытый шкапами, а иногда тоже присутствуя при обходахъ публики по заламъ Библіотеки, подъ предводительствомъ назначеннаго для нея нарочно *корнака*, я наслушался много курьезныхъ разговоровъ и отзывовъ публики о Библіотекѣ. Конечно, большинство отзывовъ состояло въ выраженіи восхищенія и благодарности. Кто что-нибудь слыхалъ про времена Оленина и Бутурлина, разсказывалъ про удивительные прежніе порядки и теперь ставшее уже невѣроятнымъ прежнее положеніе Библіотеки; иностранцы, особливо англичане и американцы, съ энтузіазмомъ высказывали, забывши щекотливый свой патріотизмъ, что по устройству это рѣшительно первая Библіотека въ Европѣ: Very fine, very beautiful! It is indeed the finest library in the world! и при этомъ съ чувствомъ жали руку своему краснорѣчивому провожатому. Русскіе тоже восхищались, каждый по своему. Я помню, разъ по Библіотекѣ прохаживался помѣщикъ изъ дальней губерніи, нѣжный отецъ съ двумя хорошенькими до-

[1]) Подлинныя слова составителя отчета. *Ред.*

знакомая, уѣзжавшая за границу въ 1859 году [1]), рѣшилась повидаться въ Парижѣ съ Жоржъ-Зандомъ и выпросить у нея, для Библіотеки, автографъ Шопена. Извѣстно, какая рѣдкость автографъ Шопена: кажется, его не найдешь ни въ одной европейской библіотекѣ, а между тѣмъ Шопенъ, въ теченіе всѣхъ лучшихъ и талантливѣйшихъ годовъ своей жизни, ни съ кѣмъ не было такъ близокъ, какъ съ Жоржъ-Зандомъ. Вотъ я и упросилъ мою знакомую (разумѣется, горячую обожательницу Шопена, какъ всѣ женщины), попытать счастья. На нашу бѣду, Жоржъ-Занда не было въ то время въ Парижѣ. Нечего дѣлать, моя знакомая, ревностно преданная Библіотекѣ, собрала всю свою храбрость и написала къ Жоржъ-Зандъ, въ ея помѣстье *Nohant*: въ письмѣ своемъ она отъ всего сердца умоляла ее подарить нашей Библіотекѣ одинъ изъ многочисленныхъ автографовъ Шопена, хранящихся у ней. Жоржъ-Зандъ была и тронута, и польщена всѣмъ, что̀ прочитала въ письмѣ русской дамы: по крайней мѣрѣ она высказала это въ отвѣтѣ, который послала тотчасъ же. Она написала нѣсколько граціозныхъ фразъ, какихъ никто не умѣлъ писать лучше ея, и приложила подлинное небольшое письмо Шопена. У нашей Библіотеки сдѣлалось, такимъ образомъ, двумя драгоцѣнностями больше.

Цѣлыхъ пять лѣтъ счастливой жизни (1856—1861) провелъ я въ Библіотекѣ—это были послѣднія пять лѣтъ управленія барона Корфа, и если то счастливое время исчезло безвозвратно, то, по крайней мѣрѣ, я могу съ гордостью сказать, что и я сколько-нибудь участвовалъ въ томъ, что̀ тогда предпринималось и совершалось на пользу этой чудесной, безпримѣрной Библіотеки, и что мое имя тоже стоитъ на той лентѣ изъ именъ сподвижниковъ барона, которая окружаетъ *его* портретъ въ *его* залѣ.

Май 1867 г. (Статья эта была напечатана въ книгѣ, на тридцати языкахъ поднесенной барону М. А. Корфу по случаю пятидесятилѣтія его службы. Книга эта была напечатана въ двухъ только экземплярахъ: одинъ поднесенъ Библіотекою барону Корфу, другой хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ).

---

[1]) Нат. Ив. Собольщикова. *Ред.*